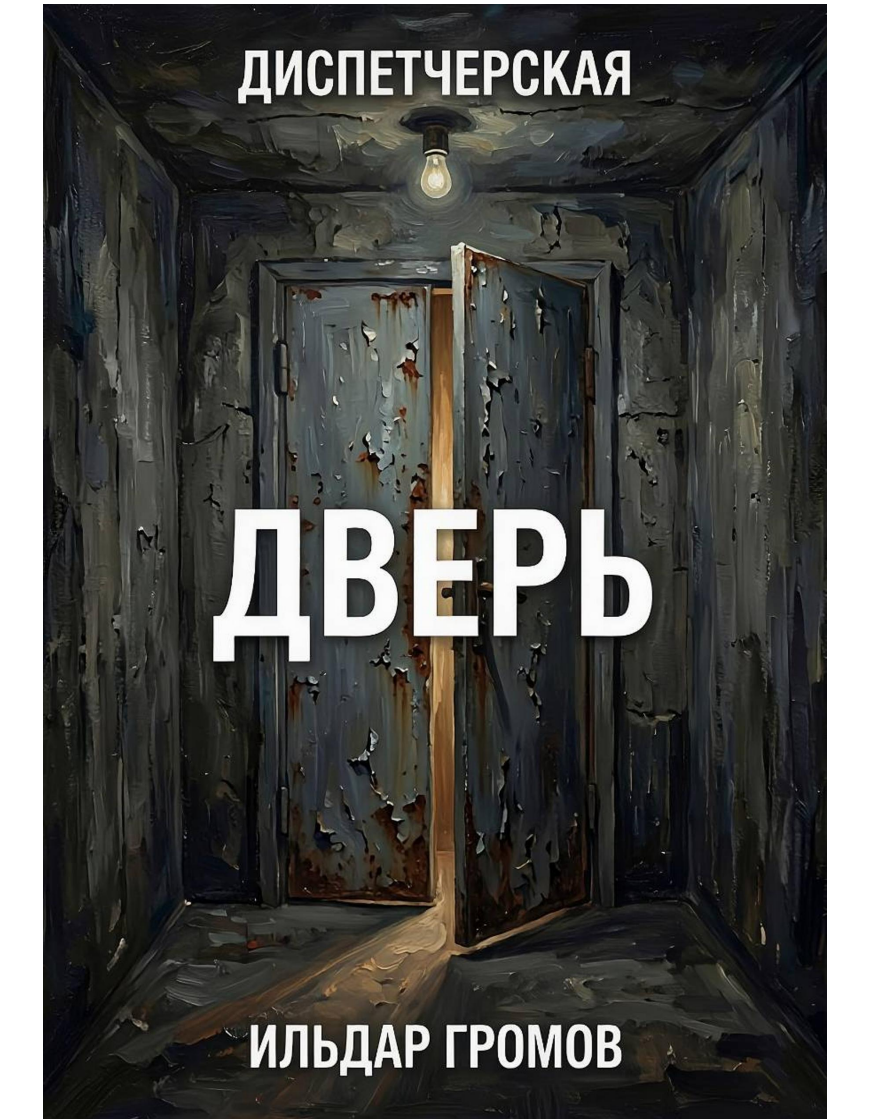




ДИСПЕТЧЕРСКАЯ

ДВЕРЬ

ИЛЬДАР ГРОМОВ

Ильдар Громов

Диспетчерская. Дверь

<https://litres.ru/74659007>

SelfPub; 2026

Аннотация

Финальная книга серии «Диспетчерская». История о том, что можно прожить жизнь, не помня своего имени — и не заметить, как стал кем-то другим. О том, что прошлое не стучит в дверь. Оно просто ждёт, когда ты сам её откроешь.

Он живёт в съёмной однушке, пьёт чай из серой чашки и работает в архиве с чужими письмами и фотографиями. У него нет прошлого, нет корней, нет имени. Только привычка ставить чашку ручкой влево — и гул под полом, который он слышит по ночам.

Однажды он находит в архиве папку со старыми снимками. На одной из фотографий — комната, стол, лампа и человек, сидящий спиной. На обороте выцветшим карандашом: «Диспетчер. 1985».

Чтобы вспомнить, кем он был, ему придётся спуститься в подвал. Открыть дверь, которой нет на плане. И встретиться с собой — молодым и испуганным.

Содержание

Глава 1. Человек	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ильдар Громов

Диспетчерская. Дверь

Глава 1. Человек

Он проснулся в семь. Сам. Без будильника. Тело знало. Он лежал. Слушал.

За окном — машины. Люди. Утро. Город. Он жил на пятом этаже. В панельной девятиэтажке. Квартира была съёмная. Маленькая. Однушка. Он жил здесь уже год. Может, два. Он не считал. Считать — это как пускать корни. А он не пускал. Нигде. Давно.

Он встал. Надел халат. Серый. Простой. Прошёл на кухню. Поставил чайник. Взял чашку. Серую. Без трещины. Он её не выбрасывал. Привык. Чашка была из ИКЕА. Он купил её, когда переехал. Вместе с тарелками. Вместе с постельным бельём. Всё было новое. Всё было чужое. Но он привык. Как привыкают к гостинице. К чужой кровати. К чужой жизни.

Он сел. Посмотрел в окно. Двор. Дети. Машины. Кто-то выгуливал собаку. Собака была старая. Шла медленно. Хозяин — мужчина в куртке — стоял и ждал. Терпеливо. Как будто у него было время. Как будто ему некуда спешить. Он смотрел на них и не чувствовал ничего. Просто смотрел. Как смотрят телевизор. Как смотрят в окно. Как смотрят на чу-

жую жизнь. Которая идёт. Без тебя.

Он пил чай и слушал. Машины. Люди. Своё дыхание. Оно было ровное. Как у человека, который спит. Или не спит. Или уже не помнит, как это — не спать. Он не помнил. Он давно не помнил. Ничего. Кроме работы. Кроме чашки. Кроме окна.

Он допил чай. Помыл чашку. Поставил на сушилку. Ручкой влево. Он всегда ставил ручкой влево. Не потому что так правильно. Просто привык. Где-то. Когда-то. Давно. Может, в детстве. Может, в другой жизни. Он не помнил.

Потом пошёл работать.

Он работал в библиотеке. Не в той, где Лиза. В другой. Центральной. Большой. Он был архивариусом. Он работал с документами. Старыми. С письмами. С фотографиями. Он восстанавливал. Он возвращал. Люди приходили. Искали. Просили. Он находил. Отдавал. И они уходили. Счастливые. Или не очень. Он не спрашивал. Он просто работал. Как все. Как всегда. Как будто это было его. Как будто он был здесь. Давно. Всегда.

Он не помнил, как оказался здесь. Не помнил, откуда пришёл. Не помнил, кем был. Он просто был. Как все. Как всегда. Как будто ничего не было. Как будто он не жил. Как будто он просто сидел. За столом. И ждал. Когда всё кончится. Когда можно будет уйти. Куда — он не знал. Но уйти.

Он сидел за столом. Перед ним лежали бумаги. Чужие. Из фонда. Старые. Он должен был их описать. Каталогизи-

ровать. Он работал. Руки знали. Голова — нет. Голова была пустая. Как всегда. Как будто её не было. Как будто он был только руки. Только глаза. Только дыхание. Ровное. Как у человека, который спит. Или не спит. Или уже не помнит.

К обеду он сделал перерыв. Вышел на улицу. Купил кофе. В автомате. Выпил. Посмотрел на небо. Серое. Как всегда. Но не давило. Просто было. Как всё. Как он. Как все. Он постоял. Посмотрел на людей. Они шли. Куда-то. Зачем-то. У них были лица. Он не запоминал. Он давно не запоминал. Ничего. Кроме работы. Кроме чашки. Кроме окна.

Он вернулся. Сел. Продолжил. До вечера.

Дома он поужинал. Что-то простое. Макароны. Сыр. Он не готовил. Не умел. Или — не хотел. Он просто ел. Потом мыл посуду. Ставил на сушилку. Ручкой влево.

Потом сажился на диван. Включал телевизор. Там что-то говорили. Он не слушал. Просто смотрел. На экране мелькали люди. Молодые. Красивые. Они что-то хотели. Он не понимал — что. Он давно не понимал. Хотеть — это тоже надо уметь. А он разучился. Как разучиваются танцевать. Или говорить на чужом языке. Сначала помнишь слова. Потом забываешь. Потом забываешь, что забыл.

В десять он ложился. Тело знало.

Он лежал. Слушал. Машины. Люди. Своё дыхание. Оно было ровное.

И потом — он не понял, как это вышло, — он услышал. Не машину. Не людей. Другое. Как будто где-то — далеко

— что-то гудело. Низко. Ровно. Как будто что-то работало. Или дышало.

Он лежал и слушал. Долго. Гул был знакомый. Он не знал, откуда. Но знал. Как будто слышал раньше. Давно. В детстве. Или во сне. Или в другой жизни. Которой не было. Но которая могла бы быть. Если бы он тогда. В ту ночь. Открыл дверь. Или не открыл. Он не знал. Он уже не знал. И это было хуже всего.

Он лежал и слушал. Потом закрыл глаза. И уснул.

А утром, когда проснулся, первое, что он сделал, — прислушался.

Тишина.

Он встал. Пошёл на кухню. Поставил чайник. Взял чашку. Серую. Без трещины.

И только тогда заметил, что чашка стоит не там.

Она стояла на второй полке.

А он всегда ставил на первую.

Он смотрел на неё. Долго. Потом взял. Поставил на первую. Ручкой влево. Но руки дрожали. Совсем чуть-чуть. Он этого не показал. Он никогда не показывал. Показывать — это как признавать. А он не хотел.

Он сел. Посмотрел в окно. Двор. Дети. Машины. Собака. Та же. Старая.

И где-то внутри — не в ушах, глубже — всё ещё гудело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.